

КАКОВ ЧЕЛОВЕК, ТАКОВ И ЯЗЫК...

ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ

*Продолжаем
разговор
о современном
состоянии
русского языка,
начатый
в первых
двух номерах
«Казанского
альманаха»*

*Илья
Нустоватый*

Наверное, я рассуждаю очень субъективно, но... То, что происходит вокруг меня (не во мне!) – это та реальность, которую я принимаю как фатальную неизбежность и уже давно не пытаюсь в ней что-либо подправить. Я просто живу, наблюдая без особых переживаний за тем, что творится у меня под носом. Корни моего олимпийского спокойствия уходят в Историю. Я знаю, что всё на Земле – живое, и, значит, следует в своём развитии по одному и тому же маршруту: рождение – детство – отрочество – юность – зрелость и совершенство – старость и смерть. И не важно, о чём идёт речь, о жизни человека или империи. Сколько цивилизаций, народов и языков смололи жернова времени за всё время существования человечества! Одно умирает, другое нарождается. У Чехова в рассказе «Огни» есть такие строки: «Когда-то на этом свете жили филистимляне и амалекитяне, вели

войны, играли роль, а теперь их и след простыл». Представляю, как рыдал и рвал на себе космы неизвестный нам патриот, на глазах которого исчезал его народ. На городском майдане он призвал соотечественников вспомнить доблестное прошлое предков, чтобы противостоять пришлым варварам...

Что же происходит впоследствии с бесхозными языками? Их растаскивают по другим языкам как строительный материал. Точно так же победители поступают со святынями покоренных народов...

114

Проверка на прочность

Проблема засорения русского языка словами иноземного происхождения на самом деле из разряда вечных. Эти словечки-вирусы проверяют организм языка на прочность. И такая атака происходит постоянно!

Вспомним о том, что русский был вскормлен несколькими «матерями», среди которых особо отметим языки викингов, византийцев, чуди, тюрков, французов, немцев и англичан. Сегодня русский язык вскармливает – ТВ! Дети и молодёжь как самая благодарная телеаудитория всё, что её цепляет в рекламных роликах, эстрадных шоу и телесериалах, сразу же тащит в реальную жизнь. А цепляется, как репей, в первую очередь всякая словесная шелуха!

Но язык сам борется за свою живучесть, и мы лишь можем тешить себя мыслью, что как-то участвуем в этом процессе. Увы, от нас ни-че-го-шень-ки не зависит! Абсолютно!

Точно также не подвластны человеку ход времени, эпидемии, землетрясения, тайфуны и т.д. Я думаю, язык – это явление природы, как и сам человек. И он вовсе не является изобретением народа, как многие из нас полагают, это скорее часть ландшафта с мес-

тной флорой и фауной, а человек – лишь орудие его воспроизводства с гортанью.

Я согласен, что нынешнее загрязнение языка идёт более интенсивно. И все эти слова-уродцы у нас находят благодатную почву и быстро приживаются только благодаря тому, что за годы перестройки произошло какое-то молниеносное поглупление молодёжи. Железный занавес подняли, и юные сердца дрогнули перед агрессивным натиском пустозвонной капиталистической мишуры. И теперь на язык влияет не Пушкин и Тургенев, а современные авторы бульварного чтива, для которых важно совсем не то насколько правильно говорит по-русски профессор филологии, а то, как лепечет на нём пэтэушница или гопник. Потому что они уверены, что именно это и есть всамделишная жизнь!

Обновление лексики

Ещё недавно было в ходу слово «быстро», а сейчас «фаст-фуд». Есть разница? По смыслу как бы нет, но вот по звучанию... Говорят, когда-то русские гусары, поторапливая официантов парижских кофеен, оставили это словечко на берегах Сены, а спустя почти два столетия оно вернулось, как блудный сын, на родину. Это было всё то же русское слово, но не совсем. Оно стало похожим на русского эмигранта, долгие годы прожившего во Франции. Исчезло бычье грубое «ы», и вместо него появилось лёгкое «и». Слово заиграло на новый манер и прижилось! Однако время бежит, устремляясь вперёд, и вот уже в специализированных журналах замелькало какое-то неживое слово «фаст-фуд», скорее напоминающее звуки отрывивания кусков пищи из горла. Но бизнесменам не до благозвучий, и они дали ему прописку в современном русском вместе с фуд-кортом, парокон-

вектоматами и прочими труднопроизносимыми терминами.

Но мне-то что до этого? Я этих уродцев в свою речь не впускаю и вовсе не из принципа или какого-то там квасного патриотизма, а просто легко обхожусь без незваных гостей. Мой словарный запас давно уже сформировался, шумная толпа моих слов всегда в действии, и они составляют единое со мной целое. Чужому слову нелегко проникнуть в мою лексику, это исключено!

Регулярная «бомбардировка» русского языка иноземными словами-терминами (термитами!) происходит, прежде всего, по причине геополитической. Ведь мы Азия ну, или задворки Европы, и демократия к нам пришла с Запада, а вместе с ней и экономический прогресс с техническими новинками. А новое, как новорожденный, требует имени. Раньше четырёхколёсное чудо, приводимое в движение без помощи лошади, называли «железным конём», машиной, потом автомобилем, авто, легковушкой, тачкой с конкретизацией марки модели. Люди как бы постоянно находятся в поиске новых обозначений тому или иному предмету, явлению, чувству и т.д. Это похоже на смену гардероба, на генеральную уборку... Предприниматель, который предлагает для общепита огромные современные термошкафы, уже не станет называть их печами или микроволновками. Ведь он предлагает последнюю техническую новинку – пароконвектоматы. Главное, чтобы слово звучало для уха свежо!

«Почему контору сменил офис, хотя слова эти означают одно и то же? – спрашивает Наталия Юхнёва в своей статье «Страны родной слова и нравы», опубликованной в «Литературной газете». – Потому, конечно, что контора – это несколько комнат в полуподвальном этаже с выцветшими обоями и разномастными стульями, а офис...

О, это совсем другое! Современная мебель, компьютеры, стильные сотрудницы».

Вот отрывок разговора двух представителей исчезающего народа –

крымчаков из рассказа Александра Ткаченко «Жестянщик Ольмез»: «– ...С языком плохо... – С каким языком? – С русским... Его поедают другие языки. Актёрки говорят то на французском, то на английском. Я раньше понимал заказчика с первого слова. Вчера иду мимо магазина, а на нём вывеска «Гастроном», тоже, говорят, нерусское...».

Что уж тут говорить про минимаркет или гипер... Уместно будет вспомнить, что такие ныне привычные слова, как почтальон, бульон, шампиньон и другие «французские друзья» в своё время также прошли путь, который ныне проделывают «менеджер», «секьюрити» и т.д.

Наша жизнь вся состоит из постоянных обновлений. Литературы и языка это касается, быть может, во вторую, после техники, очередь. «Вся читающая Россия, упивалась стихами Владимира Бенедиктова, – вспоминал Яков Полонский. – Он был в большой моде – учителя гимназий в классах читали стихи его ученикам, девицы их переписывали, приезжие из Петербурга молодые франты хвастались, что им удалось заучить наизусть только что написанные, но ещё не напечатанные стихи Бенедиктова. И эти восторги происходили именно в то время, когда публика с каждым годом холодела к высокохудожественным произведениям Пушкина, находила, что он исписался, утратил звучность – изменил рифме и всё чаще и чаще пишет белыми стихами. А потом ещё и обэриуты пытались сбросить Александра Сергеевича с «парохода Современности». Всё это очень похоже на то, как беспощадно разбивали кувалдами бюсты и памятники свергнутым Цезарям в Римской империи. Сегодня мы тебя возносим до небес, а завтра сбрасываем с пьедестала! Нет ничего нового под луной...

В смутные для русской поэзии времена, подустав от Пушкина и классиков, толпа выбрала себе Короля поэтов Игоря Северянина, который весьма усиленно занимался словотворчеством. Но в современном языке прижились всего два

его неологизма. Это даже не слова собственного сочинения, а лишь внешние изменения уже существовавших форм. Было «бездарный», стало – «бездарь»; было «комфорт», а стало – «комфортабельный». Народ, однако, с трудом принимает слова, рожденные в стерильных условиях на «ложе» Парнаса. Зато то, что появляется на свет «под кустиком», мгновенно приживается. Может быть, виновата романтика улицы?

Кроме того, «бомбардировка» русского языка значительно усугубилась нашим всеобщим поклонением перед всем заморским. Европа – значит, лучшее! Я помню, как казанские пажоны далёких семидесятых, желая подчеркнуть достоинства вещи (неважно, штаны это, мотороллер или девушка), говорили: «Ну, это просто грюндик какой-то!» Слово это обозначает марку дефицитного в СССР немецкого магнитофона отличного качества.

Напомню только несколько фраз, проникших к нам из-за бугра на той стилистической волне: хияль, хипповать, снять герлу и т.д. Это сегодня они приобрели ностальгический налёт и заняли свою полочку в русском языке, а тогда с этим явлением боролись все: от партийных ячеек до бэкадешников. Если мы заглянем глубже в нашу историю – в годы диктатуры пролетариата, то встретим там толпы словарных уродцев-мутантов, произведённых на свет с помощью обрезания нескольких слов. Не думаю, что старая профессура была рада этим нововведениям. Но надо признать, словечки эти как нельзя лучше сконцентрировали в себе суть эпохи («Мы наш, мы новый мир построим...»): чека, ревком, нарком, главлит, освиахим и т.д. Без них мы уже не мыслим себе ту эпоху!

Проблема загрязнения языка не кажется мне концом света. Мы, его носители, можем бесконечно высказываться на страницах изданий, собирать круглые столы, защищать диссертации, да что толку? Процесс, увы, необратим...

Взять, к примеру, даже такую проблему, как упразднение в советский пе-

риод в СМИ буквы «ё». Причина, по-моему, кроется в пренебрежении к деталям, в ускорении ритма жизни, в увлечении «ломкой старого» и поиске современной формы шрифта.

И пусть подняли головы патриоты «ё», даже открыли памятник букве в Ульяновске, в некоторых изданиях (также и в «КА») восстановили букву в правах, но... Скорее всего, как было, так и останется. «Ё» устарела и, увы, пополнила ряды «пенсионеров» – ять и ижицы. Очередь за «й», потом отрежут хвостик «щ». Кстати, до сих пор ещё можно встретить написание слова «Объявление» с запятой вместо твёрдого знака.

Красота языка

Как-то появился у нас на казанской телестудии один правильный москвич. И была у него такая слабость: он постоянно прерывал речь собеседника, поправляя его. Таким образом москвич оберегал русский язык от всяких неправильностей. Неудивительно, что вскоре «Корректора» (так его здесь окрестили) народ стал избегать, и он остался в своём очищенном языковом поле, как жердь, один!

Я жалел его, такие люди мне напоминают приглаженных мальчиков со скрипкой в окружении своры местной шпаны. И вот как-то я попытался вразумить москвича. «Ты пойми, старик, – говорил я, – Казань, это город особенный. Эдакий котелок с варевом из русского, татарского и еще десятка языков народов Поволжья. В результате получилось своеобразное «блюдо» – то ли каша, то ли плов, но это наш казанский диалект, который можно поставить в один ряд с вологодским, сибирским, ненецким и т.д. Например, наше татарское «айда!» уже давно вошло в русский разговорный, потому что это больше, чем просто «пойдём!» В нём сквозит что-то ухарское и бесшабашное».

Как бы мы того ни желали, но язык мало подчиняется циркулярам, исходя-

щим из Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина. Дело в том, что язык – это живой организм, он растёт и развивается, жадно «поедая» словарный материал из других языков, чаще такая подпитка ему на пользу, но бывает, что начинает «подташнивать» и «мутить». Оттого, как он «ест» и как «переваривает», можно говорить о здоровье языка и его способности жить и адаптироваться к условиям современности.

Думаю, здесь уместно сравнение языка с большой рекой, если в ней есть силы, то она быстро самоочищается от весеннего половодья и промышленных стоков, тогда как малая речка с небольшой глубиной и вялым течением обречена...

Каждое старинное слово в русском языке для меня имеет свой звук, цвет, а иногда и запах. Вслушайтесь только: скрип уключины, гребень волны, золотая чешуя леща на весле... Эти слова можно смаковать, мять на губах и наслаждаться их вкусом.

Тоже, конечно, и в других языках. Например, произнося слово «forest», я слышу хруст хвороста под ногами в лесной чаще, также наполнен звуками «урман», но татарский лес более дремуч и сказочен. Мне очень нравится тюркское скрипучее слово «арба» или крепкое «араке». «Ермолка» – это уже что-то весёлое, скоморошьё, а вот «бурек» – больше мужицкое, лохматое.

Примеров, когда слова перестают быть просто существительными и становятся сложно-ассоциативными, множество! И разве способны потягаться с живыми словами, рожденными в окружающей российской природе, а потом и озвученными устами наших предков, какие-то глухие, без тени жизни слова-термины?! Это всё равно, что сравнивать живой цветок с пластмассовым. Живая речь сохранится в людях, которые ощущают себя индивидуальностью. Они как резные шкатулки, где томятся изумруды слов.

В русской деревне Студенцы мне посчастливилось слушать одного мастера-матерщинника, который в течение двух-трёх минут «рубил» в воздухе та-

кой красивейший многоэтажный «терем», что впору было говорить об искусстве, а не о сквернословии! Этот мат на фоне заросших в крапиве потемневших изб, козлиных морд в репье и бабьего визга смотрелся необычайно гармонично. Перенеси этого мужика из деревни на городские проспекты, и блеск его выражений наверняка угаснет, звук станет грязным, а смысл похабным.

Заповедные зоны

Может быть, обеспокоенных «экологией» классического русского языка, ещё можно успокоить тем, что в стране существуют «теплицы», где процветает «образцовое» трепетно-бережное отношение к языку. Это старая дикторская школа и традиции телекомпании «Останкино», кафедры литературы и языка известных российских академий и университетов, а также некоторые литературные журналы и газеты.

Удивительно, но по-своему блюдут «свой» русский язык и в исправительно-трудовых колониях. Сергей Довлатов в записках надзирателя, которые он назвал «Зона», пишет: «Изысканная речь является в лагере преимуществом такого же масштаба, как и физическая сила. Хороший рассказчик на лесоповале значит гораздо больше, чем хороший писатель в Москве. Можно копировать Бабеля, Платонова и Зощенко. Лагерную речь подделать невозможно.

Искусство лагерной речи опирается на давно сложившиеся традиции. Здесь существуют нерушимые каноны, железные штампы и бесчисленные регламенты. Плюс – необходимый творческий изыск. Это как в литературе. Подлинный художник, опираясь на традицию, развивает черты личного своеобразия... Как это ни удивительно, но в лагерной речи очень мало бранных слов. Настоящий уголовник редко опускается до

матерщины. Он пренебрегает нечистоплотной матерной скороговоркой. Он дорожит своей речью и знает ей цену.

В лагере ещё жива форма словесного поединка, блистательной разговорной дуэли. Я часто наблюдал такие бои – с разминкой, притворной апатией и внезапными фейерверками убийственного красноречия. С отточенными формулировками на уровне Крылова и Лафонтена...».

Александр Гуров в своей хрестоматийной книге «Профессиональная преступность: прошлое и настоящее» пишет о подпитке русского языка жаргонизмами зоны. Автор утверждает, что примерно с XVIII века отмечается интенсивное распространение воровского языка среди гражданских, что можно объяснить не только увеличением категории профессиональных преступников, но и их многонациональным составом. Именно это обстоятельство привело, особенно в условиях каторги, к слиянию жаргонизмов представителей различных народов. Так, из польского языка в русский воровской жаргон перешли слова «капать» – доносить, «коцать» – бить, «мент» – тюремный надзиратель. Из украинского: «хавать» – есть, «хомка» – нож, «торбохват» – арестант. Из цыганского: «марать» – убивать, «тырить» – воровать. Из тюркского: «яманый» – плохой, «кича» – тюрьма.

Ученые М. Фридман и Г. Брейтман отмечали, что общими для различных категорий жаргонов русского арго явились многие элементы еврейской блатной «музыки». Прежде всего это происходило потому, что некоторые группы еврейского населения дореволюционной России были содержателями игор-

ных домов, питейных заведений («шинков»), ростовщиками, маклерами, торговцами и даже скупщиками краденого. Отсюда лагерный язык обогатился идишом: «хавира» – притон, «хевра» – группа карманников, «шайка» – сообщество, «мусор» – агент сыскной полиции. Также значительное влияние на процесс развития русского арго оказал преступный мир Западной Европы, особенно с развитием капитализма в России. Из немецкого языка были заимствованы такие жаргонизмы, как «бур» – сообщник, «гутен морген» – утренняя кража. Из французского: «шпана» – мелкий вор, «марьяжить», «мурижить» – завлекать, «аллюра» – проститутка. Из английского: «шоп» – магазинный вор, «шкет» – подросток. Из венгерского: «хаза» – квартира. Из татарского: «караул»!

Часть воровского жаргона благополучно перекочевала в нашу речь. Кстати, после смерти Владимира Высоцкого был издан сборник его песен с обширными примечаниями, где разъяснялось значение некоторых словечек из стихов, воспевающих воровскую романтику. На дворе стоял 1983 год, а спустя четверть века ни одно слово из того длинного списка уже объяснять современному читателю нет необходимости!

Но, думаю, арго придаёт русскому языку пикантную остроту, главная же угроза его чистоте исходит от людей, лишенных индивидуальности, которые предпочитают говорить: «Вещи носибельные» или «Мой ребёнок получает сбалансированный завтрак». Вот это я называю уродством современного языка. Вряд ли люди, предпочитающие так изъясняться, способны оценить первородную языческую красоту русской речи. Лично мне их жаль...

